

ГЕФТЕР

Бруно Латур

О возможной триангуляции некоторых современных политических позиций

*«Глобальный мир», которого нет. Земля и
новое политическое сознание*

[Профессора](#)

03.10.2016

© Фото: Knowtex [CC BY-SA 2.0]

От редакции журнала “Eurozine”: Справедливости ради надо сказать, что теория так называемой глобализации основана на беспочвенной предпосылке, что в конечном итоге вся планета будет модернизирована и сойдется в некоторой точке омега под названием Глобальный мир (*Globe*). Но, как

утверждает Бруно Латур в своей лекции, прочитанной в мае 2016 года в Университете Гумбольдта (Берлин), сегодня эта теория уже не актуальна.

На выставке *Reset Modernity!* («Перезагрузка современности!»), только что открывшейся в Центре искусства и медийных технологий (ZKM) в Карлсруэ, посетителей просят выполнить ряд заранее определенных процедур по **перезагрузке** понятийного аппарата, чтобы найти собственный ответ на очень сложный вопрос: где искать наивысшую точку развития современности и как разобраться с происходящими в этой точке метаморфозами? Мне кажется, это отличный задел темы лекционного курса этого года, которую мы обозначили как *Zukunftswissen* («Знание о будущем»). На выставке посетителям выдается небольшой аккуратный буклет, который мы называем «книгой записи геодезических замеров», потому что пришедших на выставку и в самом деле просят взять на себя активную роль в наблюдении за быстро меняющимся ландшафтом. По завершении каждой процедуры зрителям направляют зашифрованное сообщение о каком-то загадочном **треугольнике**. Кураторы убеждены, что все станет намного понятнее, если прояснить смысл этого треугольника. Я хотел бы прокомментировать данное пожелание, подробно рассказав о смысле этого треугольника и о том, как он был изобретен.

Позвольте мне начать с одного выступления мирового значения. 12 декабря 2015 года Франсуа Олланд, президент Франции, воскликнул: «Vive la France, Vive les Nations Unies, Vive la planète!», то есть «Да здравствует планета!». Я уверен, вы помните единодушное одобрение договора, заключенного на Парижской конференции по климату, COP 21. Если я скажу, что это тоже было «выступление мирового значения», то погрешу против истины, потому что за той конференцией не последовало никаких политических шагов. Все ее участники в скором времени вернулись в русло «привычных действий», куда быстро возвращаются все участники подобных конференций. Но если я вспоминаю ту конференцию, то лишь потому, что она породила беспрецедентную дипломатическую ситуацию: впервые в истории все сто восемьдесят девять «суверенных» государств осознали, что мир,

навстречу которому они радостно движутся и который я буду называть Глобальным миром или Глобальностью, совершенно не соответствует нашей планете.

Позвольте объяснить, как так получилось: в преддверии COP 21, французский секретариат предложил каждому из участников подробно обозначить свое видение будущего и составить документ, который на языке ООН называется «Предполагаемые определяемые на национальном уровне вклады» или INDC. Было бы неправильно воспринимать этот документ как очередную скучную бюрократическую формальность: результат этого упражнения оказался ошеломляющим. Почему? Потому что, когда участники начали сравнивать анкеты Китая, Индии, Бразилии, Европы, Канады, США, Филиппин, Эфиопии и т.д., как каждое суверенное государство видит свое будущее в 2030-х или 2050-х годах, то всем на конференции, проходившей в отделанном дереве зале парижского выставочного центра Ле Бурже, стало ясно, что все эти пожелания просто не могут быть реализованы в пределах нашей планеты.

Вы скажете мне, что это было с самого начала понятно, еще на заре экологического сознания, и непременно напомните мне, что есть уже немало исследовательских групп, занятых вычислением числа дополнительных планет, необходимых для выживания всех 8 миллиардов людей (от двух до пяти виртуальных планет в зависимости от расчетов и ожидаемого уровня развития), в то время как в нашем распоряжении есть только одна планета. Но такая точка зрения никогда не была популярна внутри дипломатического сообщества ООН, где все последние 70 лет главенствовала идея, что для всех стран существует один общий горизонт, который можно назвать горизонтом модернизации, позволяющей им слиться в одну Глобальную Глобальность. Но, что еще важнее, еще в начале декабря само понятие суверенитета означало, что любое решение по стратегии развития — собственное дело каждой отдельной страны. Но вдруг, в субботу 12 декабря 2015 года, все нации дружно поняли, что конечные цели развития государств, представленных за одним столом, **не могут быть реализованы в рамках данной планеты, которую мы называем Земля**, и что их суверенитеты настолько явно противоречат

друг другу, что они вынуждены признать очевидную истину — свою новую странную форму суверенности. Отсюда и восторженное восклицание Олланда «Vive la planète!».

Всем понятно, что пресловутых спасательных шлюпок на пресловутом «Титанике» не хватило бы на всех — детей, женщин, капитанов, музыкантов оркестра, кошек, собак, львов, слонов, китов, бабочек и червей. Вот и дипломатам, наконец, сделалось ясно, что мы сейчас столкнулись с реальной политизацией невозможности мирового порядка.

Но удивительным образом это осознание не было воспринято как объявление войны, а возымело неожиданное действие: не вызвало панику и хаос, а, наоборот, подтолкнуло участников к подписанию декларации, требующей, чтобы температура Земли не повышалась больше, чем на 1,5°C; хотя любой эксперт скажет вам, что это слишком оптимистичный прогноз, так как температура уже поднялась где-то на 1°C. Ассамблея преисполнилась миролюбием, после того как все осознали, что на горизонте на самом деле маячит война за мир. Хотя все это не имеет особого значения, потому что уже в воскресенье, 13 декабря, все забыли об «историческом событии»! Зал в Ле Бурже был быстро демонтирован, интерес средств массовой информации к событию быстро угас. Не странно ли: событие мирового масштаба никого не взволновало?

В своей сегодняшней лекции я хочу уделить как можно больше внимания этой парадоксальной ситуации — осознанию того, что цель, в направлении которой национальные государства модернизировали себя, исчезла и тем не менее, по-прежнему невозможно изменить направление и даже хоть чуть-чуть отклониться от траектории «действий по привычке». На данном этапе мировой истории одновременно сосуществуют две позиции: исчезновение глобальной мировой цели и вместе с тем полное равнодушие к этому исчезновению! Мы ведем себя, как пассажиры самолета, которым пилоты объявили, что взлетно-посадочной полосы, где они должны были приземлиться, под названием «Глобальный мир», уже нет ни на одной карте, но которые, как ни в чем не бывало, продолжают потягивать свой виски.

Конечно, это сообщение их чуть взбудоражило, но в целом не нарушило их спокойный сон.

Но не все пассажиры оказались столь инертны. Возможно, от вашего внимания не ускользнуло, что во всех суверенных государствах, которые с энтузиазмом подписали парижскую декларацию, многие политические движения избирают своей целью совершенно иное направление, не имеющее ничего общего с Глобальным миром. Хотя общая тенденция мировой политики глобальна, присутствует почти во всем мире, ее приверженцы убеждают нас в необходимости как раз поскорее уйти от всего глобального и обратиться к другим задачам, которые, на первый взгляд, уникальны для каждой страны, хотя каждая страна описывает их в поразительно сходных терминах: идентичность, защита, земля, границы, аутентичность, подлинность, естественность, нормальное, местное, единое, однородное, иногда этнически чистое. Давайте обозначим цель этих движений как **Возвращение к Исконной почве**. В Польше, Венгрии, Франции, Италии, Голландии, Финляндии, Дании и, конечно, в Германии, а также не будем забывать Соединенные Штаты и Филиппины — везде вы встретите одни и те же призывы к отказу от движения навстречу Глобальности и искушение, более или менее сильное в зависимости от страны, вернуться к Исконной почве, которая, на первый взгляд, только и обещает мир и защиту. Даже Великобритания, страна, которая изобрела глобальное измерение, империя глобального масштаба, теперь сжимается до размеров крошечного острова, каким она была до XVIII века и которым, вероятно, останется навсегда после недавнего Брексита.

Описывая такую неумолимую силу, которая действует подобно мощному аттрактору, политологи не рискуют использовать термины «популизм» и «национализм» и клеймить эти движения прилагательным «реакционный». И они правы. Ни одно из этих политических движений не копирует прежние. Это совершенно новые изобретения, предназначенные для того, чтобы перевернуть сообщение пилотов: «Глобальный мир исчез навсегда, мы не сможем там приземлиться». Да, эти движения являются реакцией, но это не означает, что они реакционны, — просто в них слышали то, что им было сказано из кабины пилотов:

«Глупцы, вы не сможете модернизироваться, нет такой планеты, которая могла бы вместить вас всех, вы бы лучше нашли более безопасную, меньшую по размеру и более защищенную взлетно-посадочную полосу, которую вам не придется ни с кем делить».

Разве не замечательно — хотя и вполне объяснимо, — что именно тогда, когда всемирно-историческое событие СОР 21 завершилось подписанием бессмысленного договора (да, планета не может вместить всех нас, но в любом случае это неважно и потому давайте идти заданным курсом), люди, уставшие от обещаний невозможного, решили, вполне резонно, отказаться от первостепенной цели и заняться поиском альтернативы, независимо от того, насколько ограниченной, отсталой и даже архаичной эта альтернатива показалась бы большинству из нас? И кто эти «мы», которым данные движения представляются «реакционными»? Мы, которые сонно потягивают виски и не в состоянии предложить хоть какую альтернативу? Не придется ли нам признать, что эти реакционные движения, по крайней мере, являются движениями: они куда-то движутся — возможно, не в том направлении, но все равно движутся, в то время как мы просто стоим на месте, беспомощные, застывшие в ожидании чуда?

Одна из множества причин, объясняющая, почему мы никуда не движемся, состоит в том, что мы прекрасно понимаем — в истории полно уроков, — что Исконная почва, куда эти движения пытаются вернуть страны Европы, а также Соединенные Штаты, не существует. Не только потому, что, как и Глобальный мир, Исконная почва физически невозможна, но еще и потому, что это выдуманная почва, не имеющая почти никакого отношения к Почве, архипочве (*Ur-Grund* (праоснова), по выражению Гуссерля), которую они мечтают отвоевать. Каких размеров та Польша, которую тщится воскресить ее новое правительство? Насколько ничтожна та Франция, где пытается возвести редуты так называемый Национальный фронт? Кто осмелится сказать, что никакой Падании никогда не существовало, когда некогда некоторые северные итальянцы отстаивали ее независимость? Я не думаю, что многие из вас захотели бы поселиться в Германии, выдуманной вчера возникшими ультраправыми. Что до Великобритании, отколовшейся от Европы и Глобального мира, она уже

давно стала призраком исчезнувшей империи — Великая Британия стала «Куцей Британией», таким же «охвостьем», какое пытается навязать Трамп Соединенным Штатам под лозунгом «Вернуть Америке ее величие».

На новом этапе мировое напряжение истории возрастает: пассажиры самолета получили второе сообщение от пилота: «Дамы и господа, ваш капитан снова обращается к вам. С прискорбием вынужден сообщить, что взлетно-посадочная полоса “Исконная почва” также исчезла с радаров, а это означает, что мы не можем лететь ни вперед, ни назад. Мы должны найти альтернативную взлетно-посадочную полосу, до которой сможем долететь с тем ограниченным количеством топлива, которое у нас осталось». Вы понимаете, что в этот момент все пассажиры окончательно просыпаются и начинают отчаянно вглядываться в иллюминаторы, пытаясь обнаружить полосу, на которой мог бы приземлиться самолет!

Поскольку Глобальный мир и Исконная почва больше не достижимы — первый потому, что планета слишком мала для нас, а вторая потому, что пространство, которое отводят нам все эти неонационалисты, также слишком мало для нас, — нам нужно сделать шаг в сторону («Faire un pas de côté», — как сказали бы во Франции). Возможен ли такой шаг? Специалисты по межеванию скажут вам, что для определения местоположения вы должны произвести то, что называется *триангуляцией*, применив древний принцип тригонометрии: зная основание и два угла, всегда можно определить третью вершину любого треугольника, не проводя непосредственных измерений.

Я хотел бы использовать подобную триангуляцию, чтобы определить точное положение третьего аттрактора и в дополнение к двум вершинам Исконной почвы и Глобального мира найти третью точку опоры, с которой будут вновь запущены все механизмы существования, если мы почувствуем ее мощное притяжение. Позвольте мне дать условное название для этой третьей вершины: давайте назовем ее точка Г, Гея или Земля, но не будем торопиться делать выводы о том, что она собой представляет. Давайте это будет пока просто понятие: такое же, как

Глобальный мир или Почва. Я собираюсь продемонстрировать вам, что Земля — это не Глобальный мир. Я буду говорить о том, что в науке и политике это два совершенно разных понятия, которые полностью отличны и от понятия Исконной почвы. Во всяком случае, я считаю, и это вам подтвердит любой моряк, что система обнаружения будет работать только с тремя, а не с двумя точками (и без трех точек невозможно прогнозировать).

Чтобы определить третий аттрактор, нам нужно точно зафиксировать координаты той стороны, которую мы уже достаточно хорошо обследовали, — отрезка между Почвой и Миром, — и затем уже определить, чем третий аттрактор отличается от Почвы и Мира (определить два угла, если придерживаться тригонометрической метафоры, перед триангуляцией). По причинам не только эстетическим я хотел бы пометить точку Земли ниже двух других, поэтому наш треугольник будет слегка наклонен. (Позже я объясню, почему это так важно.)

Давайте сначала рассмотрим всем известный вектор, который соотносится с понятиями Почвы и Глобального мира. Нам этот вектор знаком под именем «горизонт модернизации» — я хорошо изучил его различные функции и его устойчивое влияние в течение последних сорока лет, так что вы простите меня, если я буду краток.

Политологическая версия этого вектора позволяет людям как левых, так и правых взглядов найти свое место. В ней есть метка «прогрессивный», если вы движетесь по направлению к Глобальному миру, и метка «реакционный», если вы движетесь в обратном направлении — к Исконной почве. Но левая и правая позиции нуждаются в уточнении, так как, по мнению политологов, этот вектор может принять иное направление при рассмотрении вопросов морали, а не экономики. Допустим, вы можете быть «прогрессивных» взглядов в том, что касается экономической глобализации, и «реакционных», когда речь идет о морали — скажем, проблемах абортов или прав геев; наоборот, вы можете быть «прогрессивным» в моральных вопросах и в то же время выступать против глобализации по экономическим соображениям. И, конечно же, вы также можете быть «реакционе-

ром» или «прогрессистом» в обоих смыслах! В распоряжении политологов есть широкий спектр исследований, опросов и обозначений для точной оценки этих позиций.

Но очевидно, что все эти позиции выстроены вдоль одной оси, идущей от Почвы — той, которую мы оставили позади и куда хотим вернуться, — до самого Глобального мира как горизонта, которого мы хотим достичь или от которого мы пытаемся отвернуться; при этом направление задает горизонт модернизации, который и позволяет отличить прогресс от регресса. (Здесь я разрешаю вам самим определить, где находитесь вы сами, а также где вы хотите расположить своих союзников или противников.) И если вы скажете: «Я не принадлежу ни левым, ни правым», это значит, что вы все равно находитесь в какой-то из точек данного вектора и, вероятнее всего, застряли где-то посередине. Если горизонт модернизации действует как мощный маховик, отмечающий все внешние ему позиции (хотя раскручивать его можно и в сторону Почвы, и в сторону Глобальности), более чем трудно избежать его притяжения; призывам «Назад!» и «Вперед!» следуют без лишних вопросов.

Справедливости ради надо сказать, что теория так называемой глобализации основана на беспочвенной предпосылке, что в конечном итоге вся планета будет модернизирована и сойдется в некой точке омега под названием Глобальный мир (*Globe*). Да, планета модернизировалась до сегодняшнего дня. Но я не думаю, что сегодня какой-нибудь пилот уверенно скажет, что таково реальное место назначения его полета. «Полет» — правильное слово: Глобальный мир и был полетом, полетом фантазии. И эта фантазия уже настолько исчерпала себя, что породила противоположную, столь же причудливую фантазию возврата к истокам, к Почве, которая — даже если каким-то чудом вы сможете туда вернуться — уже давно и до основания разрушена. (Какой пейзаж вы обнаружите, если, например, захотите вернуться в Форт Мюррей? В Южный Судан? К немецкому *Heimat*?)

Итак, в продолжение нашего небольшого упражнения в философской тригонометрии, мы должны сосредоточиться на двух углах.

Я начну с Глобального мира. Чем движение в сторону Глобального мира отличается от попыток высадиться на Землю?

Ну, во-первых, несмотря на то что всем нам хорошо известен образ Голубой Планеты, нет такой точки, с которой мы могли бы окинуть взглядом всю планету целиком (что прекрасно показал Питер Слотердаик). Рассматривать планету как Глобальный мир означает ставить себя в богоподобную позицию, назовем ее «видом из ниоткуда», когда вы начинаете рассматривать любую привязанность к Почве, к *Heimat*, как нечто ограниченное, регрессивное и архаичное. Для нас же, тех, кто живет на этой почве, обозреваемой всеильным оком, Глобальный мир предстает как бесконечный, вечно отступающий горизонт.

Итак, каким образом третий аттрактор, Земля или, вернее, Гея, может так сильно отличаться от двух других? С одной стороны, Земля — это не сфера, а тонкая пленка, сравнимая с кожей, в несколько километров толщиной, которую вряд ли можно увидеть извне без укоренения в ней. На нее невозможно смотреть из ниоткуда, из той точки, которую мои друзья географы называют «критической зоной», — как невозможно охватить всю Землю целиком. Она имеет слоистую структуру: она не плоская, а объемная и всегда повернута к вам той или иной стороной. И количество точек зрения тех, кто исследует ее многочисленные складки, соответствует количеству инструментов, которыми мы ведем это исследование. Те же, кто живет на ней, — все живое, земное — заняты отнюдь не бесконечным стремлением к постоянно удаляющемуся горизонту, а непрерывным блужданием в постоянно умножающихся складках этой многослойной и не перестающей удивлять Земли («Многолика», традиционный эпитет мифологической Геи).

Каким образом земляне (*earthbounds*) — это понятие я использую применительно к нашим предкам — вдруг отправились в направлении Глобального мира, если такой горизонт на самом деле им не соразмерен и имеет смысл, только если смотреть со стороны, из некой необитаемой точки? Над этой головоломкой бьются многие антропологи современности.

Совершенно очевидно, что в основе неизбежного поворота лежало сочетание трех факторов. Каждый из этих факторов способствовал тому, чтобы земляне почувствовали свободу от любых связей и границ. Они смогли стать Современными людьми, бегущими от любой ограниченности.

Первый из этих трех факторов хорошо известен: грандиозный жест Галилея, которым он уподобил все планеты некой единой модели, позволившей нам спроецировать, используя знаменитую формулировку А. Койре, наш Замкнутый космос на бесконечную Вселенную (обратите внимание, что «замкнутый космос» — это, очевидно, то место, откуда люди начали движение в сторону глобальной интерпретации Почвы как чего-то, что следует оставить позади). С точки зрения бесконечной Вселенной, Почве предстояло избавиться от многих своих старых привязанностей, полностью модернизироваться. Если мы определяем то место, где мы живем, как «протяженность», *res extensa*, то можем жить везде, где бы то ни было. Это, разумеется, невозможно, так как в космосе жизни нет, если не считать космонавтов, которые, впрочем, не смогли бы выжить в открытом пространстве без скафандров! *Res extensa* имеет смысл, только если мы смотрим на нашу планету из ниоткуда.

Историки науки показали, что подобный поворот к бесконечной Вселенной был бы невозможен без другого, намного более осязаемого поворота, а именно захвата земли (*Landnahme*), который позволил европейцам «преодолеть земные ограничения», как удачно выразился Кеннет Померанц. «Без угля и колоний» жители Запада никогда не смогли бы питаться из беспредельного рога изобилия прогресса и развития. Они остались бы запертыми в рамках своей хрупкой и ограниченной Почвы — исчерпанной до дна почвы своих крошечных стран, уже исчезающей под ногами. Поэтому капитализм в действительности отмечен не мирской, приземленной, практичной и фактической материальностью, а, напротив, своим необычайным идеализмом — точно так же *res extensa* должна быть признана идеалистической интерпретацией материи. И по той же причине капитализм помещает горизонт куда-то вовне, в идеальную сферу, и отбрасы-

вает Почву из этого нигде в потустороннее никуда. Капитализм — это нигилизм, реализованный в эпистемологии и экономике.

Третьим фактором странного поворота в направлении космического пространства стала политическая теология, в которой религиозные идеалы переплелись с интересами политической эмансипации, что привело к возникновению удаляющегося горизонта утопии — некоего места «нигде» для людей без места. Без этого мистического обращения к другому миру гносеологический и экономический полеты в бесконечность лишились бы для Землян всякого здравого (*соттон*) смысла — то есть их чувства общности (*commons*). Произошло то, что Эрик Фёгелин назвал «имманентизацией» — процессом, который превратил политику в извращенную форму мистицизма, при этом политика не стала более практичной, а религия — более благочестивой!

Если вы до сих пор удивлялись, почему пассажиров самолета не беспокоила печальная новость о том, что их пункт назначения, Глобальный мир, исчез, то теперь у вас есть частичное объяснение: они не верят пилоту! Суть бесконечного горизонта заключается в том, что ничто земное больше не берется в расчет: и земля, и почва, и *Heimat* оставлены позади. Глобальный мир больше не интересуется тем, что происходит на Почве. Если сообщения об экологических изменениях не толкают нас к активным действиям, то потому, что мы в буквальном смысле не с «этой планеты». Притяжение глобального горизонта — тройное притяжение, созданное наукой, экономикой и политикой, замешанной на религии, — настолько сильно влияет на нас, что мы не в силах отказаться от идеи, что должны полностью модернизировать себя, сбросить прежнее обличье Землянина и стать Человеком в полном смысле слова!

Теперь ясно, что угол между направлениями в сторону Глобального мира и в сторону Земли будет острым. Конечно, внутри ограниченного, но состоящего из бесконечного числа складок пространства Земли наука, экономика, политика и религия — вовсе не одно и то же; при этом каждое понятие следует рассматривать отдельно и заново определять его параметры. Как раз это

кураторы выставки, о которой я упоминал ранее, подразумевали под словом «перезагрузка» (*reset*).

Тем не менее, мы не знаем, где именно расположился третий аттрактор. Как может Земля настолько отличаться от Глобального мира? Может быть, мы все перепутали? Но еще немного терпения. По законам тригонометрии для того, чтобы найти третью вершину треугольника, мы должны определить значение **двух углов**, а не одного. Так что теперь позвольте мне спросить, чем направление в сторону Почвы отличается от направления в сторону Земли?

Я совершенно уверен, что некоторых из вас смутило мое описание «взгляда из ниоткуда» как горизонта, который открывает для себя модернизацию. Вас могло смутить то, что все это очень напоминает бесконечные жалобы на позитивизм, разоблачительность, объективизм и бездушие науки, техники и капитализма, которые звучали, пока в ходу были такие понятия, как «современный», «современность» и «модернизация». И вы были бы правы, поскольку эти жалобы — просто еще один способ обыграть ту развилку, где расходятся пути Почвы и Глобального мира — обжитого мира и познанного мира, воображаемой исконной почвы и реальной территории будущего, людей с глубокими корнями и лишенных корней глобалистов и т.д.

Поэтому, чтобы избежать повторения этого сценария, нам нужно посмотреть в третью сторону. Действительно, если верно, что Земля слишком мала, чтобы воплотить смертоносные идеалы Глобального мира, так же верно, что Почва слишком мала, чтобы вместить всю многослойную необъятность многоскладчатой Земли, которую мы вновь открываем для себя. Как я уже говорил, Земля отличается от Почвы так же, как она отличается от Глобального мира. В этом красота триангуляции! Именно это тот новый сценарий, который ведет нас к действию и наделяет новым смыслом различие Левого/Правого, как только будет предложено новое определение прогресса и регресса и как только эта новая обнаруженная цель позволит нам определить, что является движением по направлению к ней, а что — по направлению от нее.

И здесь важно понять, что под вторым аттрактором, который я назвал Почвой, а по-французски *raus*, мы понимаем не первобытный, автохтонный кусок мира, а понятие. Понятие, которое может быть названо **реактивным**, всегда своей обратной стороной повернуто к Глобальному миру. (Помните, как рьяно антропологи протестовали против того, чтобы изучаемые ими общества назывались домодерными?) До того как стартовал процесс модернизации, у нас не было никакого представления о том, что такое Почва, по которой испытывают ностальгию и на которую хотят вернуться. Во Франции, когда парижанин говорит «провинция», никто не спутает понятие маленького некогда покинутого городка с тем, что на самом деле происходит в указанном месте! Не просите Растиньяка описать Ангулем!

Другими словами, Почва — это ретроспективное изобретение, что справедливо и по отношению к реальной почве — праоснове (*Ur-Grund*) Гуссерля, — и по отношению к различным формам неонационализма, которые возникают повсюду как реакция на внезапное и неожиданное исчезновение Глобального мира. Но помните, что пилоты объявили своим пассажирам: оба пункта назначения исчезли с наших радаров.

Разительная разница между Почвой и Землей, тот острый угол, который нам необходимо измерить, состоит в том, что Земля не может быть частью природы. Природа как модернистское понятие имела странное свойство быть неким универсальным эфиром, располагающим все (и мое тело, и этот стол, и это здание, и весь Берлин, и т.д. вплоть до Большого взрыва) в одном общем поле, подвластном одним и тем же законам. Такое понятие природы слишком обширно — настолько обширно, что внутри этой природы невозможно было жить и чувствовать себя защищенным. Вот почему натурализм никогда не мог быть чем-то прожитым, он был всего лишь идеалом, и теперь мы понимаем, насколько опасен был этот идеал. По крайней мере, со времен Паскаля нам хорошо знакомо чувство беспокойства и даже страха перед этим безразмерным, холодным и бесконечным пространством. И неудивительно. Эта концепция природы напрямую связана с горизонтом Глобального мира и не имеет ничего общего с Землей или Геей.

По сравнению с понятием природы, понятие «Гея» более **локально**. Такая совокупность активных форм жизни образовала множество перекрывающихся ниш так, что они оказались свернуты одна в другую и никак не могут быть растянуты и разглажены до состояния *res extensa*. Как я уже показал в другом месте, жестом, прямо противоположным тому, что произвел Галилей, Джеймс Лавлок не просто перенес законы физики и химии на Землю, но опрокинул их на взаимосвязанное роение активных субъектов — тонкую пленку форм жизни, которые все вместе служат тому, чтобы поддерживать защищенную среду для будущих форм жизни. Ни больше ни меньше! Итак, ничего похожего на грандиозную, бесконечную Вселенную или на ограниченную крошечную Почву, оставленную позади.

Таков основной тезис Лавлока: в отличие от Галилея, для него Земля — это уникальное место, а этот факт полностью упускается из виду, если смотреть на нее извне, как на одно из галилеевых тел среди других бесчисленных галилеевых тел. Это не означает, что Земля живет как единый суперорганизм: это просто значит, что она не мертва. С одной стороны, она конечна и многоскладчата. С другой стороны, она очень чутко реагирует на наши действия. Природа была равнодушна к нашим действиям и поэтому могла быть освоена. Земля же, Гея, чрезвычайно реактивна (даже, как сказал бы Стенгерс, обидчива); и поэтому все наши надежды доминировать над ней тщетны.

Что значит повернуться в сторону Геи: давайте посмотрим правде в глаза, у нас нет больше ни малейшего представления о том, что она собой представляет. И теперь, когда мы узнали, насколько она реактивна, она уже изменилась настолько, **что мы знаем о ней даже меньше**, чем раньше. В любой страховой компании вам скажут, что наша способность прогнозировать будущее никогда не была столь проблематична, как сегодня, по той причине, что науки о Земле фактически стали частью исторических дисциплин, опирающихся на накопленный опыт прошлого, который сейчас не имеет никакого значения. Ученые многих направлений с большим удивлением и недоумением вдруг осознают, насколько ограничены, сложны, локальны, неизмеримы и непредсказуемы оказываются почва, климат и океан. Мы видим,

как историки природы внезапно понимают необходимость изучения геоистории локальной и крайне чувствительной Геи. В свете прошлого столетия большинство сторонников модернизации забыли то, что для братьев Гумбольдт было вполне понятно.

Если вы помните, согласно одному из общих мест истории науки, физика Галилея вынуждена была оставить в стороне все формы преобразования — то, что называлось *phusis*, — и сосредоточиться на движении объема в пространстве (*res extensa*). Это все было бы важно, если бы мы хотели переписать космологию, вычленив из обширного пространства природы небольшую область — Гею, Критическую зону (как ее ни назови) — и сказать, что нас волнует не природа, а *Physis*, внутри которого мы пребываем, а потому мы можем отделить *Physis* и оставить все остальное природе (это противоречит здравому смыслу, но в целом соответствует старинной идее о подлунном и надлунном мире).

Если и есть какой-то смысл в том, чтобы проводить различие между *Physis* (пленкой Геи) и природой в целом, то по другой причине, имеющей решающее значение для той ситуации, пограничной между войной и миром, в которой мы оказались. Природа — это область **относительного эпистемологического мира** по той простой причине, что в ней не так много пространства для знаменитой уайтхедовской бифуркации между первичными и вторичными качествами, или между познаваемым и обитаемым мирами, или между объективной и субъективной версиями реальности. Что бы вы ни думали о Большом взрыве или о магнитном земном ядре, вы не способны авторитетно рассуждать об этом, так как у вас нет надежного доступа к этим сюжетам. Их лучше оставить на откуп ученым, хранящим полную монополию на их определение — на инструменты и расчеты, необходимые для осмысления далеких от нас феноменов. Если вы будете оспаривать определения этих «природных» явлений, ученые просто-напросто скажут, что таков ваш собственный, личный, поэтический, субъективный взгляд. Итак, бифуркацию легче легкого произвести, но только она лишена смысла.

Речь идет о совершенно разных областях: космологической области *Physis* и ограниченной, локальной, активной и реактивной

области Геи, свободной от понятия природы. При этом в области Геи любой феномен обставлен огромным массивом теорий и альтернативных точек зрения на то, что этот феномен собой представляет и как он должен себя вести. Философское понятие бифуркации между первичными и вторичными качествами не может и не должно быть снято мирно. Гея — место эпистемологической войны, а не эпистемологического мира. Спросите фермера, что он или она думает об агрономии; индейца с берегов Амазонки — о современном лесоводстве; работника нефтяной компании — о науке о климате; а работника банка — о «законах экономики»! Ни одна дисциплина больше не имеет права отмахиваться от этих мнений и видеть в них субъективные или архаичные версии того, что происходит на самом деле.

Одно из самых главных различий между Геей, с одной стороны, и Почвой и Глобальным миром — с другой, состоит в том, что наука и традиция (предсказания и прогнозы?) больше не конфликтуют. Повсюду и вполне по праву мы видим вилки бифуркации, коль скоро на Гее уже никто не тешит себя надеждой на телепортацию в никуда или о возвращении обратно на Исконную почву. Мир *Physis* должен быть заново открыт всеми теми агентами, которые его создают. Споры должны быть урегулированы, но в совершенно иной плоскости, а не в некоем абстрактном пространстве. У ученых больше нет монополии; более того, они больше не занимаются невероятной процедурой перемещения живых форм в мир за горизонтом видимого. Другими словами, у них гораздо более важные дела, чем расширять утопическую область *res extensa*. Они должны вновь открыть для себя Землю; они должны подготовить посадочную полосу, чтобы пассажиры в самолете — помните, кому сказали, что два прежних пункта назначения исчезли, — могли найти место для посадки.

Кроме того, нам предстоит сделать еще очень многое, чтобы наделить смыслом этот третий аттрактор — тот, который я назвал Землей или Геей. Тем не менее, я думаю, что мое небольшое упражнение в философской тригонометрии тоже окажется полезным. Основание нашего треугольника, которое проходит между Почвой и Глобальным миром, уже достаточно хорошо изучено, два острых угла найдены, так что мы можем говорить о

приблизительном месте нахождения третьей вершины. Во всяком случае, главное, что и обычные граждане, и активисты, и ученые, и политики во всем мире четко диагностируют неправдоподобность двух основных направлений, на которые им указывает нынешняя политическая дилемма.

Все чувствуют это (как сказано в одном каламбуре, недавно написанном на парижской стене, «Другой конец света возможен») и готовы к переменам во всех сферах — начиная с того, как мы едим, и заканчивая тем, как мы себя определяем, как строим наши города, изменяем наши тела, воспитываем наших детей, сохраняем наши ландшафты, нашу почву и т.д. Но основная проблема, которая препятствует движению вперед, — в том, что всякий раз, когда предлагается какое-то новое решение, разрабатывается инновация или возникает новое сообщество, людей просят соотнести себя с вектором Почва / Глобальный мир и ответить на вопрос: вы слева или справа, прогрессивный или регрессивный, локальный или глобальный, архаичный или инновационный? Причем всем прекрасно известно, что этих вопросов недостаточно, чтобы понять, что к чему, потому что ни один из этих двух аттракторов уже никого не притягивает и не отталкивает. Но они не могут просто сказать, что они уже ни слева, ни справа. Поэтому, я думаю, имеет смысл напомнить им: «Ваша традиционная система отсчета устарела, она строится на двух ориентирах, которых больше нет — одного, потому что он обещает **бесконечность**, а другого, потому что обещает **непосредственность**. На выставке “Перезагрузка современности!” мы призываем: “Давайте общаться!” Пора приземлиться где-нибудь. Пора спуститься с небес. Пора вновь открыть для себя бесконечную, многоскладчатую Землю.

**Текст доклада, представленного в серии лекций
“Zukunftswissen” в Университете Гумбольдта (Берлин, 12 мая
2016 года)**

Источник: [Eurozine](#)